

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Художник Андрей Рыбаков

Москвина, Татьяна Владимировна.

М82 Бабаза ру : [повести, рассказы] / Татьяна Москвина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 348, [4] с. — (Петербург. Текст).

ISBN 978-5-17-120188-3

Бабаза ру (Баба за рулём) — новая книга малой прозы Татьяны Москвиной, где меткий взгляд публициста сочетается с острым пером прозаика, сатира переплетается с драмой, бытовой жанр — с историей контркультуры.

Ее героини остроумны и решительны, абсурдны и беззащитны; они ходили на рок-концерты в восьмидесятых, смогли обмануть смерть, спастись в обители сестры Трезвости, сварить лучший в мире борщ и на шестом десятке сесть за руль. Женщины, которые рулят.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120188-3

© Москвина Т.В., 2019.
© ООО «Издательство АСТ», 2019.

Содержание

Беспокойная я. Вместо предисловия	7
Обмани смерть. Рассказ	23
Сестра Трезвость. Повесть	47
Вибрато. Рассказ	165
Ферштейн? Рассказ в лицах	179
Бабаза ру. Table talk, или Застольные разговоры	193
Дарю тебе платочек. Вместо послесловия	329

БЕСПОКОЙНАЯ

Я

Вместо предисловия

(ответ на вопрос «Как мы пишем»)

С уважением, Мускатблит. Этими словами завершилось письмо из журнала «Юность», куда я отправила в середине 1980-х годов своё сочинение о бездомных кошках под названием «Чужая жизнь». Состояло произведение из нескольких новелл («Торговка и Авантюрист», «Юность Маришки», «Смерть Аристократа» и так далее) и поэтически преображало действительность ленинградского района Купчино, где кошки годами бесконтрольно размножались и стали по численности чуть ли не превышать человеческое население района.

Сильная была вещь — «Чужая жизнь». В ту пору тексты, отправленные в редакцию без протекции, назывались «самотёк», и на самотёке сидели и отвечали трудящимся вот такие внимательные и вежливые мускатблиты. Потому как

прежде всего ты — советский человек, а потом уже графоман... На товарища Мускатблита (а может быть, на товарища Мускатблит, поскольку тайной истории остался пол ответившего мне редактора) моё сочинение произвело благоприятное впечатление. Он/она сообщил/сообщила мне, что-де рассказы мои литературно грамотны, однако редакция отдаёт предпочтение темам из современной жизни, и, если у меня что-то такое есть, я могу смело присылать.

Я решительно не понимала, почему мои купчинские кошки несовременны. Дала их почитать в ленинградский журнал «Аврора», но там завязалась драма. Дело в том, что в те годы я уже писала рецензии и была примерно таким же критиком, как и сейчас. То есть пишушим ровно то, что он думает. Я приписываю это загадочное свойство кастрюле с кипящим молоком, которую в детстве на мою голову пролила бабушка (у кастрюльки внезапно отвалилось дно). Тогда думали, что последствий нет, но последствия, как оказалось, были. Там что-то прижглось и отпало у меня внутри головы напрочь. Поэтому в газете «Ленинградский рабочий» (орган ленинградского обкома КПСС) на полосе культуры появилась моя статья «Парадоксы актуальной пьесы», где я выражала обоснованные сомнения в художественной ценности спектакля Большого драматического театра «Последний посетитель».

В этом спектакле на приём к министру (Кирилл Лавров) приходил посетитель-правдоруб. И упре-

кал того в недостаточном внимании к населению (на дворе 1986 год, юность перестройки). Помню, как посетитель гневно показывал на шкафы в приёмной министра, где выстроились томики собрания сочинений Ленина, и обличающе кричал: «Вы хоть открываете шкаф, читаете Ленина?» На что я скептически заметила в статье: ну, откроет он Ленина, и что дальше? Мысль моя неглубокая состояла в том, что пьеса и спектакль безнадёжно фальшивы. Ладно, написала и написала, но аврорский редактор В.П., с которым я была отлично знакома и могла надеяться на протекцию, являлся в те годы страстным ленинцем. Он разгонистым почерком параноика написал мне письмо на двадцати четырёх страницах. Где утверждал, что я оскорбила Ленина. Поэтому кошки мои, понятно, попали под колесо истории и погибли.

Какой-то обрывок машинописи, страничек пять, я нашла недавно — а, «Чужая жизнь»! Несостоявшийся литературный дебют. Который в результате моей лени и трусости (ах, что скажут!) произошёл лишь в 2004 году, когда в «Амфоре» вышел мой роман «Смерть это все мужчины». До той поры я оставалась критиком, хотя у меня начинается люта-тая тоска от одного этого слова — «критик».

Да, лень, а что же ещё? Допустим, к писателю прилетают крылатые кони, шляющиеся по эфиру музы, бездельники-даймоны и прочая сомнительная публика, и наступает состояние так называемого «вдохновения». Но для этого он должен сидеть на заднице, с пишущим агрегатом данной

эпохи, и сидеть плотно, часами, днями, годами. На этот счёт у нас есть океан свидетельств. Как Жорж Санд заканчивала один роман, ставила точку и тут же принималась за другой. Как с неистовым упорством пахаря корпел Лев Толстой. Как Фёдор Михайлович в своих смутных ментальных бурях въезжал в бессонную ночь с коробкой папирос и чифирём, под девизом «А, под пером разовьётся!». Не говоря уже о массиве советских писателей, которые буквально зарабатывали «трудодни», сооружая тысячестраничные эпопеи. Вы читали когда-нибудь роман Анны Антоновской «Великий Моурави»? Шесть томов. Памятник труду, на который вряд ли способны наши современники, всегда готовые увильнуть от каторги сочинителя эпопей. Не все, не все. Но я точно.

При этом через фильтры вечности пролезает немного. Кто-нибудь ведаёт, что аббат Прево написал десятки сочинений, кроме маленькой повести про шалаву Манон Леско? Мог бы в принципе не утруждаться, сочинил «Манон» — и хватит, но кто ж при своей жизни знает, чему суждено идти сквозь времена, а чему — погрузиться в пески забвения.

На горе стоит ольха,
А под горою — вишня,
Сочинить бы два стиха,
Остальное — лишнее... —

написала я как-то в 1990-х годах. Конечно, имея в виду Аполлона Григорьева, неумоимо произво-

дившего горы критических статей (и отличных по тому времени), а оставшегося в активной памяти культуры благодаря «Две гитары, зазвенев...». При этом в цыганской венгерке, в том тексте, который исполняется, григорьевских-то именно два стиха.

Итак, надо работать, хотя вообще-то... Виктор Гюго, страшный дед, родитель «европейских ценностей», был патологически работоспособен и оставил нам целый шкаф сочинений, а Альфред де Мюссе был пьяница-импровизатор и мог посвятить литературе разве пару часов далеко не каждый день. Предпочитал творить стихи и маленькие пьесы. Каким-то чудом ухитрился сочинить что-то вроде романа («Исповедь сына века»), но и там видно, как писал-писал — и надоело, бросил. А оказался мил и нужен, потому как литература наподобие стихии воды так разнообразна, что принимает всех — трезвенников и пьяниц, тружеников и лентяев, жизнелюбов и мизантропов... вот только насчёт красавцев у неё есть какое-то предубеждение.

Красавцы среди писателей — принципиальная редкость. Это потому, что в сущности писателю внешность не нужна. Идеальная внешность писателя — примерно как у Томаса Манна: какой-то затрапезный аптекарь. Василий Розанов даже изумлялся своей внешности, писал, вообще нет у меня внешности, какой-то комок дрожащей бесформенной плоти. Писатель — «внутренний человек». Если его «внешний человек» привлекателен, это чаще всего означает какую-либо драму. Николай Олейников в 1920-х годах для смеху попросил справку в сельсо-

Татьяна Москвина

вете, что он «действительно красив» (Олейников утверждал, такая справка обязательно нужна для поступления в Академию художеств), и ему такую справку дали. Однако Евгений Шварц вспоминает, что Олейников мучительно страдал от невозможности работать, он не мог писать месяцами, пытался избавиться от зажима какими-то хитрыми системами оздоровления, но ничего не помогало. Не единичный случай. Но этот барьер я преодолевала без труда: не красавица, я могла бы не отвлекаться от литературы. Легко сказать!

Ведь, чтобы писать, надо жить, а мне-то как раз и нравилось жить, просто жить, без всякого смысла, как амёба. Ведь никто не требовал подвигов, никто не просил, не заставлял, не толкал меня к писательству, многих абсолютно устраивала Таня Москвина, способная девчонка, иногда поющая в компаниях смешные песенки собственного сочинения. Некоторые даже любили такую Таню. Охотно печатали «критику». На это всегда был спрос — а я склонна идти туда, куда зовут, и делать то, что нужно. (Не без мистического оправдания: а вдруг это сама судьба выдаёт именно такой запрос...)

Чего же ради мне отказываться от жизни и преодолевать естественную лень тела, не желающего мучений? Детям нужна мама, мужу нужна жена, друзьям нужна подруга, издателям — острый критик, а писателя Москвину никто не ждёт и никому она особенно не нужна.

Кроме...

Да, вот это «кроме». Оно и вышло решающим.

Было начато несколько романов, но дальше десяти-пятнадцати страниц дело не пошло. Притом сочинение уже существовало во мне в виде зерна или ещё чего-то, таящего все возможности роста, и, будучи нерождённым, невоплощённым, не обретшим плоти, — томило и обременяло. Я ходила хронически беременной и не рожала. По-моему, именно от этого я толстела на физическом плане. Я мужественно боролась с собственным призванием. Я делала это вдохновенно и упорно. А призвание, со своей стороны, мучало и грызло меня, обременяя совесть чувством неисполненного долга. Но кому я должна? Это неизвестное лицо так и не отыскалось. Перед кем я оправдываюсь сегодня, указывая на книжную полку, целиком заставленную моими книжками и бормоча: ну нет, всё-таки, всё-таки... «Она что-то знала» — разве плохо? а «Жизнь советской девушки»? а вот пьески какие славные...

Но неведомая сволочь совершенно неумолима. Она равнодушно отмахивается от сделанного и злобно вопрошает: а где «Люди как цветы», где «Отец Вениамин, мать Ангелина», где «Путешествие Аграфены» и прочие, пока что не написанные мной сочинения, ради которых я обязана отказаться от посиделок с друзьями, от просмотра сериалов на планшете, от чудесной размеренной жизни на Шестой линии Васильевского острова, где есть всё: церковь, прокуратура, аптека, школа автовождения... Никаких объяснений тому, отчего именно ко мне привязался неизвестный, требующий, чтобы я писала, у меня нет. Как я пишу, я не знаю.